

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND
COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Полифункциональность пунктуационных средств поэтического
текста

А.В. Канафьева✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ kanafeva.alya@mail.ru

Резюме

Объектом анализа является многофункциональность в поэтическом тексте как отдельных пунктуационных знаков, так и их объединений, образующих комбинированную структуру. **Цель** работы – обосновать выбор тех или иных пунктуационных средств спецификой поэтического текста, индивидуально-авторским подходом к раскрытию заложенного в нем смысла. **Материалом** исследования являются поэтические тексты разных авторов, раскрывающие и общее, и субъективно-авторское в выборе пунктуационных средств, обусловленных и интонационно, и структурно-семантически. Особое внимание уделяется использованию вопросительного знака в риторических высказываниях, а также точки для оформления парцеллированных конструкций. **Результаты** исследования заключаются в обоснованном признании потенциала пунктуационных средств как гибкой системы, эффективного средства выражения авторских интенций.

Ключевые слова: поэтический текст, пунктуация, полифункциональность знаков препинания, комбинированные знаки

Для цитирования: Канафьева, А.В. (2026). Полифункциональность пунктуационных средств поэтического текста. *Язык и текст*, 13(1), 66–76. <https://doi.org/10.17759/langt.2026130105>

The polyfunctionality of punctuation marks in poetic text

A.V. Kanafieva✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ kanafeva.alya@mail.ru

Abstract

The object of analysis is the multifunctionality of both individual punctuation marks and their combinations in a poetic text, which form a combined structure. **The purpose** of the study is to substantiate the choice of certain punctuation marks based on the specific features of a poetic text and the individual author's approach to revealing its inherent meaning. **The research material** consists of poetic texts by various authors, which reveal both the general and the author's subjective choices of punctuation marks, which are influenced by both intonation and structural-semantic factors. Special attention is given to the use of the question mark in rhetorical statements, as well as the use of periods to mark parcelled constructions. **The results** of the study demonstrate the potential of punctuation marks as a flexible system and an effective means of expressing the author's intentions.

Keywords: poetic text, punctuation, multifunctionality of punctuation marks, combined marks

For citation: Kanafieva, A.V. (2026). The polyfunctionality of punctuation marks in poetic text. *Language and Text*, 13(1), 66—76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2026130105>

Введение

Сжатость объема поэтического текста диктует и сжатость, лаконичность, отточенность употребляемых в нем языковых единиц. Специфика поэтического произведения не позволяет автору давать развернутое обоснование того, что он чувствует и что хочет донести до читателя. В языковых единицах содержится материализация и концентрация мыслей, чувств, надежд, сомнений автора. Перед воспринимающим поэтический текст открывается перспектива обдумывания, домысливания, ассоциаций на основе собственного жизненного опыта. Каждое поэтическое слово и каждая поэтическая строка предельно значимы, что акцентируется интонацией, а, следовательно, и пунктуацией, каждый элемент которой наделен комплексом функций, связанных и с формальным, и со смысловым, и с интонационным оформлением его единиц.

Знаки конца предложения: при парцеллятах; в риторических высказываниях; в трехчленных вопросительно-риторических синтагмах

Для поэтического текста чрезвычайно важна звуковая сторона: она усиливает его суггестивность, акцентирует элементы смысла, отражает эмоциональное состояние пишущего, его стремление к эстетическому воздействию, рассчитанному на эстетическую реакцию воспринимающего текст.

Автор придает значение звучанию фразы, особенностям мелодики и ритма, ее верному, живому воспроизведению. Звучание стиха зашифровано в пунктуации, которая расставляет эмоционально-смысловые акценты, внося коррективы в интонацию, преобразуя ее из нейтральной в аффективную.

«Интонация в художественном тексте может быть столь же многообразной, сколь многообразен и индивидуален слог писателя, его стиль. А это не может не отразиться и на

пунктуации, которая, опираясь на общественную практику, все же отражает индивидуальность пишущего» (Валгина, 2003, с. 276).

По этой причине попытки закрепить за тем или иным знаком поэтического текста определенную функцию являются по преимуществу неудачными.

Авторской интерпретацией обусловлен даже выбор знака конца предложения, связанный с его отнесенностью к тому или иному функциональному типу. Автор интерпретирует знак по-своему, превращая его в один из инструментов воплощения художественного замысла.

К примеру, точка, которой разделяются на письме парцелляты, не только фиксирует их границы, выполняя формальную функцию, но и служит знаком интонационной эмфазы, когда «иерархически организованная цепочка распадается на сегменты, обладающие, каждый, законченной интонацией предложения» (Арутюнова, 1999, с. 482).

Парцелляция как художественно-поэтический прием способствует акцентированию смысловых деталей, приданию значимости каждой из них.

К парцелляции как художественно-экспрессивному приему прибегают далеко не все авторы, что свидетельствует об особенностях индивидуально-авторского почерка, связано с чертами языковой личности создателя поэтического текста.

Парцелляты довольно часто функционируют как компоненты однородных рядов, разделенные точкой. Этот знак полифункционален: он служит средством оформления границ парцеллят; смыслового акцентирования каждого из парцеллированных компонентов; нацеливает воспринимающего текст на особую интонацию во всех ее деталях (паузы, темп, ритм, тон):

Зенитчицы кричали и стреляли, // размазывая слезы по щекам. // и падали. // И поднимались снова. // Впервые защищая наяву // и честь свою // (в буквальном смысле слова!). // И Родину. // И маму. // И Москву; Я знал, в чем ты права. // О чем мечтаешь ты. // Знал все твои слова. // И платья. // И цветы. // И абажур в окне. // И скверик на пути, // где предстояло мне // «люблю» - // произнести... (Рождественский, 2000).

Интонационно обусловленным, интенционально мотивированным является вопросительный знак в конце несобственно вопросительных предложений (риторических высказываний). Риторические высказывания обнажают внутренний мир поэта, воспринимающий текст словно ощущает биение его сердца. На важность риторических высказываний в поэтическом тексте обращает внимание И.И. Ковтунова: «Вопрос вмещает в себя все выражаемые смыслы. То, что в разговорной речи вытекает из конситуации, то, что в нелирическом литературном изложении содержит окружающий текст (контекст), в лирике включается в вопросительные конструкции» (Ковтунова, 1986, с. 138).

Разнообразные модели риторических высказываний в поэтических текстах представляют собой эмоционально окрашенные единицы субъективного размышления, в которых заключены мысли, переживания, чувства говорящего (сожаление, разочарование, грусть, негодование и др.). В них отражается определенная жизненная философия автора, его сложное эмоциональное состояние, стремление постичь окружающее и ощущение невозможности сделать это.

Ими фиксируется когнитивная деятельность сознания личности: стремление постичь, понять сложные вопросы бытия, устройства мироздания, власть неведомых человеку сил, представляемых как высшее существо, волей которого осуществляются все земные движения:

*На чьем плече, как голубь, спит луна // и чья ладонь под облаком румяным? // Кем ставится
стеклянная стена // перед волной, на берегу песчаном? // Гул наших струн, и жизни каждый
вдох, // И бред земли – кто, кроме смертных слышит? (Набоков, 2000) Миры летят. Года
летят. Пустая // Вселенная смотрит в нас мраком глаз. // А ты, душа, усталая, глухая, // О
счастье твердишь, - в который раз? // **Что счастье? Вечерние прохлады // В темнеющем
саду, в лесной глуши? // Иль мрачные порочные улады // Вина, страстей, гибели души?
// Что счастье? Короткий миг и тесный, // Забвенье, сон и отдых от забот // И за сердце
хватящий полет...** (Блок, 2007) — концентрация мысли на одном вопросе: **Что есть
счастье?** И множество альтернатив при том, что у автора уже «запасен» ответ на этот вопрос,
ожидающий в конце поэтического текста. Ср. также: **Всегда с тобой: Какое счастье выше?
// Достался мне блаженнейший удел¹; Это время – // трудновато для пера, но скажите // вы,
// калеки и калекши, // где, // когда, // какой великий // выбирал // путь, // чтобы протоптанней
и легче?** (Маяковский, 1982); **В нас, в каждом есть Бог – // это стоило выстрадать. // Пусть
в панике мир от попытки второй // Так что же есть Истина? // Быть только собой!**
(Вознесенский, 2000).*

Риторические высказывания нередко являются единицами поэтических вопросно-ответных структур, представляющих собой «развернутое рассуждение, в результате которого рождается ответ», воспроизводящих динамику «эмоционального или мыслительного процесса, ход размышлений, вопросы, предложения, сомнения, возможные ответы, снова вопросы и т.д. Таким путем передается внутренняя работа мысли» (Ковтунова, 1986, с. 131).

Типичной особенностью поэтического текста является наличие в нем вопросительно-риторических синтагм с функцией акцентированного выделения душевного смятения, сомнений, колебаний. Примером может служить следующий текст: *Это просто, это ясно, // Это всякому понятно, // Ты меня совсем не любишь, // Не полюбишь никогда. // Для чего же так тянуться // Мне к чуждому человеку, // Для чего же каждый вечер // Мне молиться за тебя? // Для чего же, бросив друга // И кудрявого ребенка, // Бросив город мой любимый // И родную сторону, // Черной нищенкой скитаюсь // По столице иноземной? // О, как весело мне думать, // Что тебя увижу я!* (Ахматова, 1990)

Подобные синтагмы имеют трехчастное построение: 1) констатация факта, содержащаяся в первой части, отмеченная пунктуационно точкой конца предложения, являющаяся логическим обоснованием для следующих далее риторических высказываний; 2) усиленный повтором экспрессивный отрицательный вывод, заключенный в прономинально-инфинитивных риторических высказываниях, отмеченных вопросительным знаком, составляло (и, как оказывается, составляет!) смысл и содержание жизни; 3) неожиданное, нелогичное по сравнению с отрицательным смыслом предшествующих риторических высказываний эмоциональное заключение – радость от предвкушения встречи, от самой мысли об этой встрече. Эти синтагмы имеют особую модальность, сущностное содержание которой – противоречие чувства и рассудка. Оформляющие каждую из частей знаки подчинены этой динамике, смене настроения, чувств и восприятий лирического персонажа: *«Проходит все, и чувствам нет возврата», // Мы согласились мирно и спокойно, - // С таким суждением все выходит стройно, // И не страшна любовная утрата. // Зачем же я, когда Вас*

¹ Кузьмин М.А. Всегда с тобой: какое счастье выше?.. URL: <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/kuzmin/texts/vol1/274.htm> (дата обращения: 20.01.2026).

вижу снова, // Бледнею, холодею, заикаюсь, // Былым (иль не былым?) огнем терзаюсь // И нежные благодарю оковы? // Амур-охотник все стоит на страже, // Возвратный тиф опаснее и злее. // Проходит все, моя любовь – не та же, // Моя любовь теперь еще сильнее (М. Кузмин); Бесстыдство мое! Унижение мое! // Бродяга! Разбойник! Пастух! // Зачем же никто из придворных вельмож, // Увы, на него непохож? (Ахматова, 1990).

Полифункциональность многоточия

Чрезвычайно распространенным для выражения авторских интенций в поэтическом тексте является многоточие.

По мнению А.М. Пешковского, «многоточие всегда читается», «в случаях действительного перерыва речи и логической недостачи тех или иных слов просто имитируется тот жизненный случай, который вызвал эту недостачу (кашель, смущение, запомывание и «разыскивающий» запомыванное тон и т.д.), причем перерыв речи выражается... еще и перерывом самой интонации, обрывающейся на таких нотах, которые сами по себе осознаются нами как с р е д н и е, а не конечные (иногда с намеренной утрировкой этой «средности»)» (Пешковский, 1959, с. 324-325).

Употребление многоточия «не имеет или почти не имеет ограничений, оно не связано с грамматическими условиями» (Пеньковский, Шварцкопф, 1979, с. 10).

Многоточие может занимать любую позицию в предложении: в начале, внутри, в конце.

Многоточие начала предложения означает: а) возврат автора к предшествующему размышлению (рассуждению): *Пока эти пули летят, мы должны успеть вырастить хлеб, землю спасти, песню сложить. ...Пока эти пули летят В тебя и в меня...* (Рождественский, 2000); б) передает значение потрясения, прозрения автора после размышлений о чем-то важном, значительном, неподвластном человеческой воле: *Ты живешь, негодуешь, пророчишь. // Ты кричишь и впадаешь в восторг. ... // Так неужто малюсенький прочерк – // не простое тире, а итог?! (Рождественский, 2000).*

Многоточие, обозначающее незаконченность высказывания, – это смысловой знак. Его выбор – воля автора, который использует этот знак потому, что «словесная» картина представляется ему недостаточной. Говорить можно было бы и дальше, бесконечно, потому что описываемое неисчерпаемо... Благодаря этому знаку читатель воспринимает текст исходя из собственного жизненного опыта, мировосприятия.

Многоточие конца предложения часто является средством передачи речи, связанной со сложными эмоциональными переживаниями, когда «говорящий обычно не ограничивается лишь проявлением того или иного эмоционального состояния. Он стремится «перебросить» выражение своего переживания (истинного или наигранного) слушающему, воздействовать на его чувственную сферу в нужном для себя направлении» (Блох, Остапенко, 1985, с. 11).

В поэтическом тексте, отличающемся сжатостью, лапидарностью, автору непросто выразить всю гамму эмоций, он вынужден сделать паузу, обозначенную многоточием, что позволяет расширить смысловое пространство. Тем самым читатель вовлекается в совместное с автором переживание, размышление над сложными вопросами бытия, своими ощущениями, движениями человеческой души: *Не думай о секундах свысока... // Наступит время – сам поймешь, наверное: // свистят они, как пули у виска, - // мгновения, мгновения, мгновения...* (Рождественский, 2000); *То свадьбой, то поминками врезаются года...* (Рождественский,

2000); *Ты пришел меня утешить, милый, // Самый нежный, самый кроткий...* (Ахматова, 1990); *Конечно, мне радости мало // Такая сулила гроза, // Зато я случайно узнала, // Какие у счастья глаза...* (Ахматова 1990); *А юность была как молитва воскресная... // Мне ли забыть ее?* (Ахматова, 1990); *Посмеюсь над самим собой: // может, боль уйдет, может, стихнет боль! // А душа дрожит – обожженная... // Ах, какая жизнь протяженная!* (Рождественский, 2000). Неоконченность речи является «чисто психологической», «когда все слова налицо, но сказанное представляется лишь как слабое, неполное отражение переживаемого...» (Пешковский, 1959, с. 25).

Обращает на себя внимание частое употребление многоточия при обращении авторов к концептуально важным, определяющим понятиям, например, «Любовь»: *Не покидайте своих возлюбленных. **Былых возлюбленных на свете нет...*** (Вознесенский, 2000); *Да, было так, **хоть вой, хоть не дыши!** // Твой образ... Без телесности и речи... // И... никого... ни звука, ни души... // Лишь ты, да я, да боль нечеловечья...* (Асадов, 2020).

Н.С. Валгина отмечает, что «многоточие – знак достаточно емкий: он обладает способностью передавать еле уловимые оттенки значений <...> это знак **эмоционально наполненный**, показатель психологического напряжения, подтекста» (Валгина, 2004, с. 131).

Полифункциональность тире

Не меньшей выразительностью в поэтическом тексте отличается тире – знак, обладающий особой художественной гибкостью. Иногда его постановка является нормированной, предусмотренной правилами, иногда – факультативной или вариантной, но чаще – индивидуально-авторской. Тире позволяет автору выделить оттенки смысла, расставить необходимые акценты.

Эти функции тире были отмечены еще Гротом Я.К., который писал: «Черта» употребляется «для обозначения быстроты действия или перед неожиданною мыслью, перед разительным заключением предложения», «для обозначения резкой противоположности» (Грот, 1885, с.108).

Тире располагает большими возможностями для передачи отношений сопоставления, противопоставления, резкой противоположности, следствия, акцентирующего выделения отдельных компонентов, эмоционально-экспрессивных отношений и оценок. Он является средством актуализации имплицитных смысловых оттенков в поэтическом тексте.

Его индивидуально-авторское использование отмечается для:

а) выражения контрастов: *Скудной правды – нет!* (Брюсов, 1999); *Как много всех, и все же я – единый!* (Брюсов, 1999);

б) создания эффекта неожиданности и резкой смены повествования: *Любовь должна быть счастливой – // Это право любви. // Любовь должна быть красивой – // Это мудрость любви. // Где ты видел такую любовь?* (Черный, 2002).

Способность тире акцентировать самое важное в высказывании приводит к тому, что авторами художественных текстов снимаются «запреты» официальных правил на тире в следующих позициях:

а) перед именной частью составного именного сказуемого, которой предшествуют сравнительные союзы *словно, будто, как*: *Ее глаза – как два тумана, // Полуулыбка, полуплач, // Ее глаза – как два обмана, // Покрытых мглой неудач* (Н. Заболоцкий); *Слова – как светляки*

с большими фонарями (Заболоцкий, 1989); *Монета – будто чье-то подаяние* (Рождественский, 2000);

б) перед отрицательной частицей *не*: *Ежедневное чудо – // не чудо. // Ежедневное горе – // не горе* (Рождественский, 2000); *Все бросить вдруг. А где нас ждут, // Где спросят? Свет – не хата* (Твардовский, 2003);

в) после подлежащего – личного местоимения: *Вы – владыки // их души и тела, // С вашей воли // встречаются восход.* (Маяковский, 1982); *Мне там каждая знакома // Борозденка под метой. // Я – смоленский. Я там дома. // Я там – свой, а он – чужой* (Твардовский, 2003).

Наряду с формально-смысловой функцией тире является показателем особого ритмического строя поэтической строки. При всем разнообразии индивидуальных ритмических форм перед тире читающий должен будет повысить тон, в месте тире сделать значительную паузу, а часть, следующую за ним, произнести резко и внушительно. Обилие тире у одних авторов и ограниченное его употребление другими – отражение индивидуальных стилистических особенностей поэтического языка. Например, поэзия В. Маяковского, «агитатора, горлана, главаря», отличается строгим, стройным, чеканным ритмом, при котором каждое слово звучит как металл, «весомо, грубо, зримо». Ритму автор придавал огромное значение, «обстругивая и оформляя его» как «основу всякой поэтической вещи, проходящую через нее гулом». Тире в стихах Маяковского очень часто неожиданное, как неожиданны его неологизмы, сочетаемость словоформ, синтаксические структуры и многое другое. Тире у Маяковского – дань ритму, интонации, которые, в свою очередь, помогают декодированию смысла поэтических строк: *Хотите – // буду от мяса бешеный // – и, как небо, меняя тона – // хотите – // буду безукоризненно нежный, // не мужчина, а – облако в штанах //); А зачем // вообще // эта шахта Сене? // Чтобы – целься рифмой // И ритмом ярись? (Маяковский, 1982); Вот – // Пустили сплетню, // мешат душу ею* (Маяковский, 1982).

Функции знаков препинания нередко совмещаются, переплетаются. Знаки конца предложений, выполняя формальную функцию, являясь разделительными в структуре текста, вместе с тем выражают и интонационные особенности разных функциональных типов предложений: точка в повествовательном предложении; вопросительный знак в вопросительном предложении; восклицательный знак и его сочетание с вопросительным или с многоточием в эмоционально окрашенном предложении.

Интонация может быть средством передачи смысловых значений, но отражать лишь эмоциональные качества речи. Интонационный принцип пунктуации сопутствует смысловому, накладывается на него и отражается на структуре текста, если интонация является способом отражения смысловой значимости речи. Когда же интонация отображает лишь эмоциональную окраску, мы имеем дело с интонационным принципом в чистом виде. Обусловленные интонационно знаки препинания являются показателями экспрессивности речи, что в первую очередь относится к тире и многоточию, отражающим эмоциональную, прерывистую, взволнованную речь.

О комбинированных знаках

Пользуясь имеющимся в русском языке пунктуационным «инвентарем», авторы нередко используют комбинированные пунктуационные знаки: запятая – тире; вопросительный знак –

восклицательный знак; восклицательный знак – тире; восклицательный знак – многоточие и др. Каждый из знаков вносит свой вклад в раскрытие закодированного во фразе смысла.

Вопросительный знак стремится «к союзу» с другими пунктуационными средствами, образуя комбинированные знаки. Многозначительность «вопроса» подчеркивается сочетанием вопросительного знака с многоточием: *Зачем мне – скажи на милость – знать запах ее волос?..* (Рождественский, 2000); *Ты – рядом. А как достучаться? А как дотянуться? А как до тебя докричаться?..* (Рождественский, 2000). Эмоционально-оценочные компоненты в семантике подчеркиваются сочетанием вопросительного знака с восклицательным: *Всемогущий, ты выдумал пару рук, сделал, что у каждого есть голова, - отчего ты не выдумал, чтоб было без мук целовать, целовать, целовать?!* (Маяковский); *Да какой же ты русский, Раз не любишь стихи?!* (А. Вознесенский); *Пойми разумом: неужели это жизнь – быть привязанным?! Неужели в этом есть своя логика?!* (Рождественский, 2000). Характерно наличие в приведенных выше и во множестве других текстах типизованных двучастных построений, содержащих констатацию сложившегося и его негативную оценку автором.

Например, в поэтическом тексте запятая и тире как единый знак употребляется в сложноподчиненных предложениях: *Взрывают весенние плуги // Корявую кожу земли, – // Чтоб осенью снежные вьюги // Пустынный простор занесли* (Брюсов, 1999); *Пусть непрочны домашние стены, // Пусть дорога уводит во тьму, - // Нет на свете печальней измены, // Чем измена себе самому* (Заболоцкий, 1989); при однородных членах предложения: *Гудки авто, звонки трамвая, // Стук, топот, ропот, бег колес, – // В поэмы страсти, в песни мая // Вливали смутный лепет грез* (Брюсов, 1999).

Этот комбинированный знак используется в создании параллелизма строф: *Я люблю большие дома // И узкие улицы города, – // В дни, когда не настала зима, // А осень повеяла холодом. // Пространства люблю площадей, // Стенами кругом огражденные, – // В час, когда нет еще фонарей, // А затеплились звезды смущенные. // Город и камни люблю, // Грохот его и шумы певучие, – // В миг, когда песню глубоко таю, // Но в восторге слышу созвучия* (Брюсов, 1999).

Сочетание этих знаков используется при противопоставлении: *Им, как и мне, невмочь с весною свыкнуться, Не в первый раз стараюсь, – не привык* (Пастернак, 1999); неожиданном следствии: *Кусты обгоняют тебя, и пока С родимую чащей сроднишься с отвычки, – Она уж безбрежна: ряды кругляка, И роца редееет, и птичка – как гичка. И песня – как пена, и – наперерез, Лазурь забирая, нырком, душегубкой И – мимо... И долго безмолвствует лес, Следя с облаков за пронесшейся шлюпкой* (Пастернак, 1999); *Он к нам катил свои вершины И, – черный сверху до подошв, Так и рвался принять машину Не в лягз кинжалов, так под дождь* (Пастернак, 1999).

Восклицательный и вопросительный знаки сочетаются с многоточием.

Сочетание восклицательного знака и многоточия характеризует эмоционально окрашенное, страстное, взволнованное и одновременно неоконченное высказывание, когда за словами остается бездна невысказанного: *Но море всей своей водой // Тебя из сердца смыть не может!..* (М. Горький); *Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, - // Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..* (Высоцкий, 2003); *Мы не верили, что состаримся. // И что однажды // на сердце у каждого // истина выжжется: // никогда не бывает **Счастье** // конечной станцией!..*

// ...Потому-то и кружится этот мир. // Потому он //И движется. (Рождественский, 2000);
А я провозглашаю снова: // Все начинается // с любви!.. (Рождественский, 2000).

Анализ пунктуационной системы художественных текстов отдельных авторов приводит к выводу об их значительной роли в эмоциональной концептуализации внутренней жизни человека.

Пример виртуозного использования пунктуационных знаков в репрезентации концепта «Любовь» дает следующий текст: Люб- // (Воздуха! // Воздуха! // Самую малость бы! // Самую-самую...) // лю! // (Хочешь, - // уедем куда-нибудь // заново, // замертво, // за море?..) // Люб- // (Богово – богу, // а женское – // женщине // сказано, // воздано.) // лю! (Рождественский, 2000).

Весь текст – это сила эмоции признания в любви. Люб-лю, разделенное эмфатическим дефисом, а между двумя этими слогами – вставные конструкции, оформленные скобками, заключающие в себе целый «водоворот» чувств решившегося признаться в любви человека. Это состояние потрясения отражают и знаки внутри вставных конструкций: восклицательный, многоточие, сочетание вопросительного и многоточия, выбранные автором, расставленные по местам, подчиненные его авторскому замыслу.

Заключение

Анализ поэтических текстов приводит к выводу о том, что пунктуация является характерной чертой идиостиля, одним из средств репрезентации концептосферы отдельного автора. Специальными функциями выбранных им знаков препинания являются и смысловое акцентирование; и усиление экспрессивно-эмоционального воздействия; и оформление основных компонентов интонационной структуры, ритмико-мелодического рисунка; и передача особенностей звучания живой речи, ориентированных на воспринимающего текст в нужном автору направлении.

Список источников / References

1. Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры.
Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture (In Russ.).
2. Асадов, Э.А. (2020). *Полное собрание стихотворений в одном томе*. М.: Эксмо.
Asadov, E.A. (2020). *The complete collection of poems in one volume*. Moscow: Eksmo (In Russ.).
3. Ахматова, А.А. (1990). *Сочинения в двух томах*. М.: Правда.
Akmatova, A.A. (1990). *Essays in two volumes*. Moscow: Pravda (In Russ.).
4. Блок, А.А. (2007). *Стихотворения и поэмы*. М.: Эксмо.
Blok, A.A. (2007). *Poems*. Moscow: Eksmo (In Russ.).
5. Блох, М.Я., Остапенко, Л.А. (1985). Функциональная семантика синтаксических конструкций. *Межвуз. сборник научных трудов*, 4-12.
Bloch, M.Ya., Ostapenko, L.A. (1985). Functional semantics of syntactic constructions. *Interuniversity Collection of scientific papers*, 4-12 (In Russ.).
6. Брюсов, В.Я. (1999). *Лирика*. Минск: Харвест.
Bryusov, V.Ya. (1999). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).

7. Валгина, Н.С. (2007) *Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие*. М.: Высш. шк.
Valgina, N.S. (2007) *Actual problems of modern Russian punctuation: Textbook*. Moscow: Higher School (In Russ.).
8. Валгина, Н.С. (2003). *Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие*. М.: Логос.
Valgina, N.S. (2003). *Active processes in modern Russian. Textbook*. Moscow: Logos (In Russ.).
9. Вознесенский, А.А. (2000). *Лирика*. М.: Астрель.
Voznesensky, A.A. (2000). *Lyrics*. М.: Astrel (In Russ.).
10. Высоцкий, В.С. (2003). *Избранное*. Смоленск: Русич.
Vysotsky, V.S. (2003). *Favourites*. Smolensk: Rusich (In Russ.).
11. Грот, Я.К. (1885). *Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук*.
Grot, Ya.K. (1885). *Russian spelling. The manual, compiled on behalf of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences* (In Russ.).
12. Заболоцкий, Н.А. (1989). *Стихотворения. Поэмы*. Тула: Приокское книжное издательство.
Zabolotsky, N.A. (1989). *Poems*. Tula: Priokskoye Book Publishing House (In Russ.).
13. Канафьева, А.В. (2000). *Функции авторской пунктуации в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва*.
Kanafieva, A.V. (2000). *The functions of author's punctuation in a literary text: Diss. Cand. Sci. (Philology)*. Moscow (In Russ.).
14. Ковтунова, И.И. (1986). *Поэтический синтаксис*. М.: Наука.
Kovtunova, I.I. (1986). *Poetic syntax*. Moscow: Nauka (In Russ.).
15. Маяковский, В.В. (1982). *Избранные сочинения в двух томах. Т. 2*. М.: Художественная литература.
Mayakovsky, V.V. (1982). *Selected Works in Two Volumes. Vol. 2*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (In Russ.).
16. Набоков, В.В. (2000). *Лирика*. Минск: Харвест.
Nabokov, V.V. (2000). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).
17. Пастернак, Б.Л. (1999). *Лирика*. Минск: Харвест.
Pasternak, B.L. (1999). *Lyrics*. Minsk: Harvest (In Russ.).
18. Пеньковский, А.Б., Шварцкопф, Б.С. (1979). Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы. *Современная русская пунктуация*. М.: Наука.
Penkovsky, A.B., Shvartskopf, B.S. (1979). An Attempt to Describe Russian Punctuation as a Functional System. *Modern Russian Punctuation*. Moscow: Nauka (In Russ.).
19. Пешковский, А.М. (2007). Интонация и грамматика. *Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: Учеб. пособие*. М.: Высшая школа.
Peshkovskiy, A.M. (2007). Intonation and grammar. *Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected works: Textbook*. Moscow: Higher School (In Russ.).
20. Рождественский, Р.И. (2000). *Лирика*. М.: Олимп.
Rozhdestvensky, R.I. (2000). *Lyrics*. Moscow: Olimp (In Russ.).
21. Твардовский, А.Т. (2003). *Стихотворения. Поэмы*. М.: Дрофа.
Tvardovsky, A.T. (2003). *Poems*. Moscow: Drofa (In Russ.).

Канафьева А.В. (2026)
Полифункциональность пунктуационных средств
поэтического текста
Язык и текст, 13(1), 66—76.

Kanafieva A.V. (2026)
The polyfunctionality of punctuation marks in
poetic text
Language and Text, 13(1), 66—76.

22. Черный, С. (2002). *Лирика*. Минск: ООО Харвест.
Cherny, S. (2002). *Lyrics*. Minsk: LLC Harvest (In Russ.).

Информация об авторе

Аля Васильевна Канафьева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Information about the author

Alya V. Kanafieva, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Modern Russian Language named after Prof. P.A. Lekant, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1367-9783>, e-mail: kanafeva.alya@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2026
Поступила после рецензирования 28.02.2026
Принята к публикации 10.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.25
Revised 2026.02.28
Accepted 2026.03.10
Published 2026.03.30